

СПЕЦИФИКА НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ В «МАЛОЙ» ПРОЗЕ Л. АНДРЕЕВА

Л.Я. Глазман
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова

Леонида Андреева чаще всего интересовал человек вообще, проблема его сущности, его места в мире, безотносительно к тому, к какой национальной, а в более позднем творчестве и социальной категории он принадлежит. Между тем, национальная проблематика, нашедшая отражение хоть и в немногих текстах автора, а потому недостаточно изученная, занимает важное место в его творчестве, чем и определяется актуальность исследования.

Цель – выявить художественные формы проявления национального сознания в «малой» прозе Л. Андреева.

Материал и методы. События эпохи заставили писателя обратиться к национальному аспекту в рамках военной проблематики во время Первой мировой войны, однако нашел он выражение, в основном, в публицистике (циклы статей *«В сей грозный час»* (1914), *«Перед задачами времени»* (1916)). Среди художественных текстов, отражающих подобную проблему, выделяются рассказы *«Иностранец»* (1902) и *«Ночной разговор»* (1915). При исследовании данной проблемы используется культурно-исторический метод.

Результаты и их обсуждение. В раннем андреевском рассказе *«Иностранец»* звучит мотив обретения родины. Студент Чистяков, страдая от неустроенности, бестолковости жизни, мечтает о переезде в благородную Германию. Россия, в его представлении, это 64-й номер общежития, где собирались и кутили Ванька Костюрин, Панов, грубый силач Толкачев, высокомерный Каруев и серб Райко Вукич. Главный герой противопоставляет себя, человека со строго определенной целью в жизни, бестолковой, пьяной компании товарищей. Он, чувствуя себя нездешним и нося прозвище *«Иностранец»*, начинает и вести себя как чужой. Пораженный несправедливостью к нему товарищей, за одного из которых персонаж вступился в драке с Толкачевым, Чистяков еще больше мечтает уехать в «цивилизованный мир». Однако, глядя на безграничную любовь к Сербии Райко, чувствует, что забывает взять в дорогу что-то очень важное. В финале рассказа Чистяков остается, понимая, что, утратив родину, он не сможет быть счастливым.

В данном рассказе и «русскими» персонажами (Костюрин, Каруев, Толкачев), и «иностранцами» (Райко, Чистяков) утрачена родина. Ваньку Костюрина, всячески подчеркивающего свою «русскость», Райко справедливо называет обманщиком. Ведь человек, уважающий свою страну, никогда не станет так презрительно и цинично оскорблять патриотические чувства товарища. У него переживания Райко о смерти серба вызывают иронию. Позиционирование себя как русского до мозга костей человека в данном случае следует расценивать как позерство. Райко оторван от своей родины, и Чистяков с ужасом понимает, что в еще худшем положении мог оказаться он, не осознающий утраты. Видя тоску по родине серба, главный герой вовремя чувствует, что и ему, почти уже уехавшему, хочется петь о своей земле. И хотя не находятся нужные слова, он обретает свое место в той стране, в которой родился и которой созвучны его душевные устремления. Писатель, демонстрируя с помощью своих персонажей различные человеческие заблуждения, приводит к простой истине: глупо думать о том, что можно убежать от проблем в другое место. Еще сложнее построить что-то свое в чужом краю, чем на том месте, где ты родился. В рассказе прослеживается мысль, которая впоследствии отчетливее звучит в публицистических статьях Андреева. Это противопоставление русской жизни с ее хаотичностью и распущенностью и западной упорядоченности и строгой определенности. Причем если в рассказе оно носит преимущественно характер констатирующий (как то, что необходимо принять), то в военных статьях оппозиция «Россия – Германия»¹ приобретает дополнительную коннотацию.

Действие рассказа *«Ночной разговор»* охватывает августовские события первых дней вторжения германской армии в Бельгию. После двух дней штурма Вильгельм II в поисках спасения от бессонницы приказывает привести к нему одного из пленных на ночной разговор, чтобы «очаровать его, непривычного к разговору с царями» [2], потешив свое самодержавное самолюбие.

¹ Л. Н. Андреев воспринимал Германию как воплощение империализма и деспотии Запада.

Андреев сохраняет в рассказе свойственную ему экспрессионистически эмоциональную манеру повествования. Традиционное для писателя изображение войны как сумасшествия и всеобщего разрушающего хаоса, ярко представленное в рассказе *«Красный смех»* (1904), сохраняется и в *«Ночном разговоре»*. Но повествовательный фон с его экспрессионистской нагрузкой на детали в изображении «болевого центра» [2] с «массами бледных людей в остроконечных касках» [2], «безграничной усталостью» [2] и «запахом крови» [2] составляет общечеловеческий план восприятия войны наряду с идеологическим, на который переключает внимание писатель, вводя в художественную организацию рассказа двух персонажей: кайзера Вильгельма II и бельгийского профессора, волонтера. Бельгийский волонтер оказывается бежавшим в Бельгию от смертной казни русским революционером. Можно сказать, что у Андреева, занявшего в первые годы войны активную гражданскую позицию и отошедшего на время от художественного творчества, этот рассказ по своей идее также носит ярко выраженный публицистический характер. И в нем, кроме политического аспекта и философского осмысления сущности Первой мировой войны, ее значения для мира и каждого отдельного человека, поднимается еще и проблема национального самосознания.

С одной стороны, получается так, что именно в руках русского революционера на время оказывается жизнь германского императора и именно русский предрекает в финале поражение немцам. Это, в целом, соотносится с теми мессианскими идеями писателя по поводу «освободительницы угнетенных народов» [1, 87] России, которые он активно развивал в публицистике. С другой стороны, автор вступает в полемику с некоторыми бытовавшими в то время мнениями, в том числе, о сущности русского национального сознания и характера. Вильгельм II упрекает русских в излишней эмоциональности и отсутствии рациональной составляющей. Однако по ходу развития действия становится очевидно, что вся практичность и разумность немецкой нации сводится к механизации насилия и смерти, к «моторным плугам, роющим могилы» [2]. Андреев, вопреки устоявшемуся в культурно-философской среде мнению² о губительности преобладающего в русском человеке женского начала, последовательно проводит мысль о том, что именно эмоциональность и женственность характера русской нации является показателем его сильного духа и потому поможет одержать победу над Германией.

Заключение. Л. Андреев, в тех немногих художественных текстах, которые затрагивают вопросы национального характера, делает попытку осмысления особенностей русского сознания, которому, с одной стороны, присущи неупорядоченность и чрезмерный, губительный стыд, а с другой – тоже не свойственные западному миру братолюбие и способность сопереживать. Писатель ищет пути национального возрождения, а потому пытается донести до русского общества важность уверенности в могуществе Российской державы и необходимость быть сопричастным всему происходящему, чего невозможно, по мысли автора, сделать без трезвого осмысления особенностей своего менталитета, его достоинств и недостатков.

Список литературы

1. Андреев, Л. Н. В сей грозный час. Статьи / Л. Н. Андреев. – Петроград: Прометей, 1915. – 110 с.
2. Андреев, Л. Н. Ночной разговор / Л. Н. Андреев // Lib.Ru: Классика [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа: http://az.lib.ru/a/andreew_l_n/text_0539.shtml. – Дата доступа: 11.04.2014.

ФУНКЦИИ РЕМИНИСЦЕНЦИЙ В РОМАНЕ М.А. БУЛГАКОВА «БЕЛАЯ ГВАРДИЯ»

Н.В. Голубович
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова

Библейские мотивы, литературные реминисценции в «Белой гвардии» М.А. Булгакова – отсылки к «Капитанской дочке», «Пиковой даме» А.С. Пушкина, «Войне и миру» Л.Н. Толстого, «Ночи перед Рождеством» Н.В. Гоголя, «Бесам» Ф.М. Достоевского, «Господину из Сан-Франциско» И.А. Бунина, «Фаусту» И.В. Гете – рассматриваются нами как «пратексты» произведения.

² Наиболее последовательно данная мысль отразилась в статьях Н. А. Бердяева (Бердяев, Н. А. Судьба России: Книга статей / Н. А. Бердяев. – М.: «ЭКСМО», 2007. – 640 с.).